

Петербург Игоря Северянина

Бывают дни: я ненавижу
Свою отчизну — мать свою.
Бывают дни: ее нет ближе,
Всем существом ее пою...
Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь!

НИЧЬИ... АПЛОДИСМЕНТЫ

Адрес первый: Гороховая ул., 66

Вот здесь, на Гороховой, 66, сто пятнадцать лет назад в собственном доме родился человек, который как поэт, признаюсь, мне не близок, но которого я уважаю за умение хранить достоинство до самого последнего дня. Он был потомком Карамзина, Фета, украинского гетмана Довмонта, который под Черниговом имел дворец в сто комнат, а в стихах написал даже, что предком его был аж византийский император. Может быть, а что? Он и сам достиг славы короткой, но головокружительной, затмившей славу Бальмонта, Брюсова, Сологуба. Не поверите, но на Невском перекрывали движение, когда он выступал в зале под думской каланчой, у окон его ночевали поклонницы, а мужчины распрягали лошадей и сами везли его экипаж — в Керчи, Симферополе, на Волге. Вечный праздник, сказка из «Тысячи и одной ночи!» К ногам его летели бриллиантовые браслеты, серьги, брошки обезумевших женщин. Годы спустя скажет: все раздавал — цветы, деньги, драгоценности. Себе оставлял только славу. «Но и она оказалась, — признается, — чертовыми черепками...»

Вот-вот! Я как раз про это — про славу, которая превращается в черепки. Немногих в русской литературе можно уважать не за «послесловие» к жиз-

ни — за «послеславие». Карабкаются на вершины ее чаще всего примерно одинаково, а вот достойно скользнуть в оглушительную пустоту, в забвение, в одинокость — не каждому дано. За это и стоит особо уважить Северянина — за послесловие к его славе. Да, это он, Северянин, родился на Гороховой, а потом и жил, правда недолго, в этом доме у матери.

Что же касается достоинства, то... Знаете, как говаривали в Петербурге про слабо заваренный чай? «Кронштадт виден». Поднимали стакан с чаем на свет и говорили: «Что-то Кронштадт виден...» Так в 1938 году сказал Иван Бунин официанту, когда, столкнувшись неожиданно с Северяниным на эстонской станции Тана, они, оба следовавшие в Таллинн, уселись в вагоне-ресторане коротать дорогу. Бунин, уже нобелевский лауреат, совершавший победительное турне

Игорь Северянин

по странам Прибалтики, предложил поэту вино, пиво. Северянин, у которого билет был в третьем классе, попросил чаю. Бунин рассмеялся, а официанта за принесенный стакан чая отругал — заварка была никуда. Северянина же, которого прежде и не видел никогда, странно похвалил, сразу угадав суть поэта. «Настоящий моряк, — сказал, — в глазах море и ветер». Потом, подъезжая к Таллинну, когда их уже стали узнавать пассажиры, Северянин скажет прославленному писателю: «Пойду в свой вагон». — «Почему? — изумится Бунин. — Вместе выйдем. Сейчас встречать будут». — «Не хочу быть с бока припека», — ответит гордый поэт.

Не многие с достоинством несли свою бедность. А ведь Северянин в это время, давно уже забытый всеми «принц фиалок», «король поэтов», естественно бедствовал, ходил по квартирам эстонцев и предлагал свои книги — в магазинах не брали. И уж полная беда наступит, когда в Эстонию вместе с Красной Армией придет советская власть, — он станет голодать, продавать последнее. Но когда его давний друг поэт Георгий Шенгели из Москвы предложит написать «программное стихотворение человека, воссоединившегося с родиной, и родиной преображенной», и послать его на имя Сталина — просто: «Москва. Кремль. Сталину», — поэт, насколько я знаю, так и не сделает этого. Умрет в полной нищете. И словно сбудется «престранный» детский сон его, который он не мог расшифровать, хотя и думал об этом непрестанно, всю жизнь. Сон про «ничьи» аплодисменты. Подождите, я еще расскажу об этом сне...

Про свою семью «гость из будущего», как величал себя в молодости Северянин, а на самом деле — Игорь Лотарев, расскажет как-то поэтессе

Одоевцевой жалостную историю. Дескать, мать его, урожденная Шеншина, предками которой и были как раз Карамзин и Фет, была сначала замужем за стариком-генералом, от которого родилась дочь. Жили полной чашей, дом в Петербурге, летом — имение. Но генерал, ревнивый старик, оставит коварное завещание, по которому все его состояние в случае, если вдова снова выйдет замуж, переходит к дочери, а в случае смерти дочери — другим родственникам генерала. Про завещание забыли, овдовевшая мать позже вышла замуж за поручика Лотарева, саперного офицера. «Окончив Инженерный замок, — писал в стихах Северянин, — отец мой вышел в батальон». Разумеется, окончив Инженерное училище (Садовая ул., 2). Потом у Лотаревых родился Игорь, и в доме не было разве что «мороженого из сирени», того, которое возникнет в его будущих поэмах. И вдруг, пишет Одоевцева, дочь генерала, сестра Игоря, буквально в три дня умирает от менингита. Мать от горя едва не сходит с ума. Но это что... На пороге, как в плохой пьесе, появляется нотариус и объявляет ей: она, по тому забытому завещанию, лишается и дома, и имения, и капитала — все это переходит к родне генерала. «Так мать потеряла все, — закончил Северянин рассказ Одоевцевой. — Постыдное, тяжелое начало жизни...»

Так ли было? Нет, не так! Может, что-то перепутала Одоевцева, может, прельстилась историей и приукрасила ее. Но исследователи творчества поэта говорят вполне определенно: ничего такого не было. Мать его, дочь предводителя дворянства в провинциальном городе, сначала действительно вышла замуж за генерал-лейтенанта, военного инженера, строителя, кстати, Троицкого моста через Неву. Была богатая семья, у деда поэта было, к примеру, аж три имения. Правда и то, что среди предков Северянина были те знаменитости, которых я помянул. Но мало кто знает, что среди родственников по первому мужу матери были две сестры — Аделаида и Евгения Муравинские, причем последняя стала известной оперной певицей, взявшей псевдоним Мравина. Так вот, из семейства этой певицы и вышел, говорят, знаменитый ленинградский уже дирижер Евгений Мравинский. А вот жалостной истории, рассказанной Одоевцевой, вероятно, не было совсем. Сам Северянин позже в поэме о детстве опишет историю семьи своей банальней и проще. В поэме окажется, что бедственное существование матери началось не из-за смерти дочери Зои, а потому, что Зоя вышла замуж и взяла к себе мать, которая к этому времени разошлась с отцом Игоря, вторым своим мужем. Игорь же уехал с отцом сначала в Череповец, где в пятом классе бросил реальное училище, а потом и на Дальний Восток, откуда в шестнадцать лет сбежал самовольно в Петербург.

У подростка, будущего поэта, было две страсти: стихи и опера. «Оперы... очаровали меня... запела душа моя, — вспоминал он. — Мягкий свет люстр, бесшумные половики, голубой бархат театра... Нарядно... шелково, душисто, сверкально, притушенно-звонко. Во рту вкусные конфеты... перед глазами — сон старины русской, в ушах — душу чарующие голоса». У него в театре

И. Северянин в детстве

И. Бунин, 1934 г.

Е. Гуцан (Злата), 1900-е гг.

Е. Лотарева («Лильчатая Лиля»)

было даже свое постоянное место — у самой сцены на правом балконе. Оперу любил безумно — сорок раз слушал в Мариинке только Собинова. И еще любил славу, знал, что добьется ее непременно и будет «повсеградно озкранен» и «повсесердно утвержден». Правда, в самом первом стихотворении, написанном в восемь лет, четко предсказал судьбу будущей своей известности: «Вот и звездочка золотая // Вышла на небо сиять. // Звездочка, верно, не знает, // Что ей не долго блистать». Ну как тут не поверить, что сам Всевышний водил рукою ребенка!

Когда же в солдатском столичном журнальчике будет опубликовано его первое стихотворение «Гибель „Юрика“», он будет жить у матери, но уже в Гатчине, где полюбит и царский парк, и Приорат, и «Павильон Венеры». Не отсюда ли страсть его к изысканности, все эти его гитаны, грациозы, триолеты и маркизет? А может, оттого, что был безнадежно беден и ему мечталась прекрасная сказка?..

Первой большой любовью его, встреченной здесь же, в Гатчине, станет простая, трудолюбивая Злата, девушка «в сиреновой накидке». О разрыве с ней (у нее от него будет дочь Тамара) он будет жалеть и на старости лет, хотя еще в юности напишет в стихах (и опять пророчески!): «Ты ко мне не вернешься: // грезы больше не маги, // Я умру одиноко, // понимаешь ли ты?!» У него, мальчишки, уже была тьма влюбленностей в таком коротком еще прошлом. В девять лет влюбился в соседку по даче Марусю Дризэн (тайные свидания, сплетни кухарок, вспышки ревности). Потом, в двенадцать, без памяти влюбится в «Лильчатую Лилю», свою двоюродную сестру, которая была на пять лет старше его. Потом была какая-то Варя С., которая заболела и умерла; потом, уже в Череповце, прелестная горничная, блондинка Сашенька; потом, на Дальнем Востоке, красавица-японка Кицтаки, дочь местного фотографа...

Но Злата — это совсем другое. В реальной жизни ее звали Женечкой Гуцан, имя Злата ей придумал сам поэт. Стройная, с золотистыми волосами, она появлялась в Гатчине по воскресеньям — навещала спивавшегося отца, а в Петербурге снимала угол и зарабатывала шитьем. Он любил ее, однажды весь день шел к ней по шпалам в Гатчину, ради нее продал букинисту любовно собранную им библиотеку и в Петербурге, на Офицерской, в пятом этаже какого-то дома снял комнату, где вместе со Златой, на время оставившей работу, они провели однажды целых три недели. Любил, но подарить мог только стихи да... лодку «Принцесса Греза», которую построил сам. Хотел, чтобы Злата могла любоваться «малахитовой водой» чистой гатчинской реки Ижорки. Он и сам обожал реки и море, на берегу которого проживет большую часть жизни. Не зря Бунин сразу учуял в нем морскую душу. Но, катаясь на этой лодке, познакомится с двумя пикантными женщинами, с которыми и изменит Злате. Она же, благородная душа, сделает поэту, как пишет исследователь его жизни, «ложное признание сразу в нескольких изменах» и будет буквально умолять Северянина бросить ее, как падшую женщину.

Впрочем, прогулки на лодке со Златой кончатся тем, что она окажется беременной. Там-то, в парусиновой каюте их лодочки, Злата и признается ему, что у нее будет ребенок. О женитьбе не говорили: ему восемнадцать лет — какая в те времена могла быть женитьба? И какое у нее шитье с ребенком на руках? Словом, она сделала то единственное, что могла сделать тогда молодая женщина в ее положении: «стала содержанкой богатого старика». Говорят, семь лет с ним прожила и семь лет презирала его. А поэту подарит Андреевский флаг для лодки, который сама и вышьет. Тоже символ, он долго будет беречь его. И ревниво попрекать Злату за ставшую вдруг сытой ее жизнь: за бархат вместо платья из ситца, за дачу, за омаров к обеду. Через много лет, в зените славы, он предаст ее дважды, а дочь свою увидит впервые только шестнадцатилетней.

...В поэзии ему повезет баснословно. На всю Россию прогремит, например, гневная отповедь Северянину из уст Льва Толстого. В январе 1910 года Толстому кто-то прочтет «Хабанеру» Северянина с эпатажирующей, наглой строфой: «Вонзите штопор в упругость пробки, // И взоры женщин не будут робки!» Тут-то классик и взорвется: «Чем занимаются! Это литература? Вокруг виселицы, убийства, пьянство, а у них — упругость пробки...»

Вот и все! Судьба Северянина была решена: отзыв Толстого разнесли по всему свету журналисты. Вой, улюлюканье, брань, но и успех — ураганная популярность. Пятьдесят изданий сразу публикуют его стихи, а за устройство его «поэзо-концертов» стали едва ли не драться университет, Бестужевские курсы, Тенишевка. Слава умопомрачительная, но... Но его тревожил тот самый «престранный сон». Да, в детстве ему приснилось, что он в златотканой одежде читал нечто перед темным, а главное — пустым залом. И этот безлюдный зал не только хлопал, но вызывал его снова и снова. Тоже успех, тоже аплодисменты, но чьи? Он мучился этим вопросом всю жизнь.

И ведь действительно: в этом сне-метафоре нутром ощущаешь, чуешь какую-то страшную, многослойную глубину. Какую — вот вопрос!